

Как делается деятель. Юбилейное интервью с Н.Н. Нечаевым
Часть 1. «Психология и жизнь»

Мама, Екатерина Владимировна Нечаева
(1949 г.)

Коля Нечаев
(1949 г.)

Дед, Владимир Григорьевич Дьяченко —
ректор Тверской семинарии
(1880—1919)

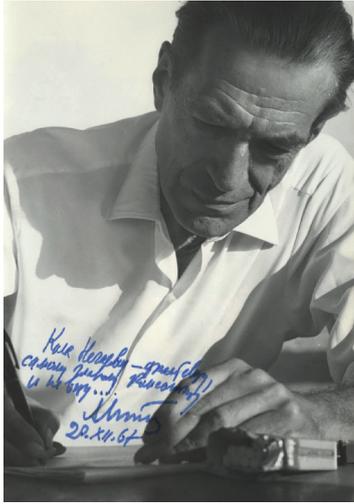
Прапрадед, Петр Алексеевич Смирнов — протоиерей,
настоятель Исаакиевского кафедрального собора в Санкт-
Петербурге (1834—1907)

Н.Н. Нечаев — студент 1-го курса философского
факультета МГУ
(1964 г.)

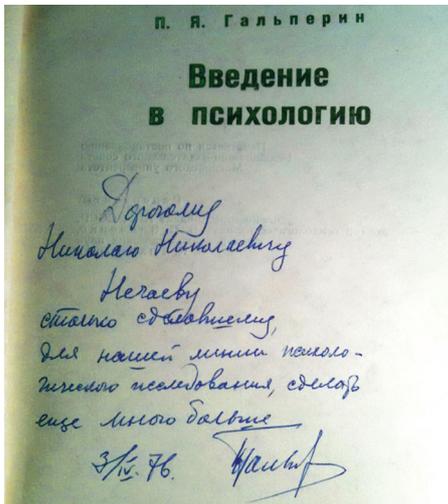
Первая Летняя психологическая школа. Справа
налево: Н.Н. Нечаев, А.Н. Леонтьев, В.К. Виллонас,
В.В. Юртайкин, В.В. Столин и др. (Джете, 1967 г.)

А.Н. Леонтьев, фото на память
(Джемете, 1967 г.)

Н.Н. Нечаев, аспирант психологического
факультета МГУ
(1970 г.)

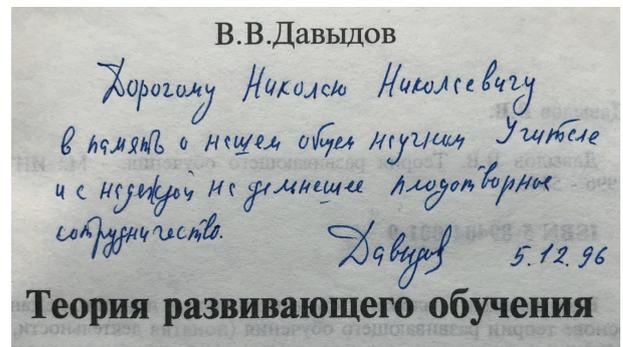
Посвящение от П.Я. Гальперина
(1976 г.)

Встреча в Генштабе МО СССР. Слева направо:
П.Я. Гальперин, Н.Н. Нечаев, генерал армии
Д.Д. Лелюшенко (1977 г.)

Прием у президента РАО академика РАО
А.В. Петровского по случаю 50-летия Академии.
Слева направо: Н.Н. Нечаев, А.В. Петровский,
В.В. Давыдов, патриарх Алексий II (1993 г.)

Посвящение от В.В. Давыдова
(1996 г.)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
MEMORY DATES

Как делается деятель.
Юбилейное интервью с Н.Н. Нечаевым
Часть 1. «Психология и жизнь»

В статье излагается авторский взгляд на свой путь в психологии в рамках научно-исследовательской, педагогической, организационной и других практических сфер ее развития. Автор демонстрирует это на примере собственной биографии, тесно связанной с начальным периодом становления факультета психологии МГУ в середине 60-х годов XX века, а также с последующей активной деятельностью в различных областях психологической науки и практики. Подчеркивается роль научной школы, в качестве представителей которой и одновременно преподавателей выступали такие выдающиеся психологи, как П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Б.М. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др. Однако особое место отводится роли П.Я. Гальперина, которого автор рассматривает как Учителя в науке и в жизни.

Статья состоит из двух частей. Публикуемая здесь первая часть раскрывает эпизоды биографии автора, включающие краткое упоминание о своих семейных корнях, восходящих к деятелям церкви — известным теологам, проповедникам и педагогам, связанным, в том числе, и с Московским университетом, а также рассказ о судьбе матери, репрессированной в сталинский период.

Определенное внимание уделено студенческим годам, где наряду с описанием эпизодов «психологической жизни», интересных в контексте места и времени, демонстрируется роль активной жизненной позиции автора в выборе своего научного пути и аспирантуры как важнейшего этапа в становлении собственной научной школы.

Рассматриваются также этапы дальнейшей профессиональной научно-педагогической деятельности как специалиста-психолога в системе повышения квалификации преподавателей ряда ведущих вузов Москвы, в том числе на ФПК МГУ. К ним относится также Московский архитектурный институт, работа в котором позволила подготовить и защитить докторскую диссертацию по проблемам проектного моделирования и творчества в архитектурном образовании. Кратко раскрывается организаторская деятельность автора в управлении системой образования СССР и научными исследованиями и разработками в системе Российской Академии образования.

Интервью проведено в рамках проекта «Психолог-и-Я. Живые истории» Московского государственного психолого-педагогического университета (ФБОУ ВО МГППУ). Автор идеи и ведущий проекта — В.Т. Кудрявцев (далее — ВК). Встреча состоялась 4 февраля 2021 года¹.

Ключевые слова: научная школа, теория поэтапного формирования, научно-педагогическая деятельность, система повышения квалификации преподавателей, научно-организаторская деятельность.

Для цитаты: Как делается деятель. Юбилейное интервью с Н.Н. Нечаевым. Часть 1. «Психология и жизнь» // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 2. С. 145–156. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180216>

---

¹ Видео-запись встречи по адресу: <https://www.youtube.com/watch?t=46&fbclid=IwAR2QFHhZeHfkHWccYC-NKXqKUEfHnvzq69D23cOuMaohZYH0usby6EVkxA&v=iaRfcXCCRM0&feature=youtu.be>

How is the Actor Made. The Anniversary Interview with N.N. Nechaev. Part 1, Psychology and Life

The article represents the author's view of his way in psychology including science research, university lecturing, organizational and other professional lines of its development. It is demonstrated through some fragments of the author's biography closely connected with the initial period of the Department of Psychology of the Moscow State Lomonosov University (MSU) that was established in the middle of sixties of the last century and also — with some facts of the author's following activity in the fields of psychological science and practice.

The role of the school of thought is underlined since the author was lucky to meet such outstanding psychologists as P.Ya. Galperin, A.V. Zaporozhets, B.W. Zeygarnic, A.N. Leontiev, D.B. Elconin etc. as his teachers. However the special role of P.Ya. Galperin as a Teacher in science and life for the author is underlined.

The article consists of two parts. The first part published here uncovers some episodes of the author's biography where some of his family roots are described. Several outstanding church figures, theologians, preachers and teachers among them, are meant, some of them appeared to be connected with the MSU. There is also the story of the mother's fate who was repressed at Stalin's period.

Certain attention is paid to the the author's life as a university student. Beside some episodes of "psychological life" that may be interesting within the context of time and place there are some fragments that demonstrate the author's active position at the choice of his scientific path. The post-graduate stage where the author was forming his own "school of thought" is also described.

Then there are periods of the further research and teaching activity as a professional psychologist working at the level of post-graduate and continuing education at the leading Moscow universities, including MSU. The Moscow Architectural Institute is also one of them. It is as the institution where the author's doctoral theses on the problems of project simulation and creativity in the architectural education were prepared and defended.

Another working period connected with organisational activity at the high levels of managing of the educational system of the USSR and the at the Russian Academy of Education are also briefly described.

The article is made in the form of interview with the author conducted within the frames of the project "Psychologist-and-I". Live stories" of the Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE). The author and leader of the project: V.T. Kudriavtsev. The meeting took place on the 4-th of February 2021.

Keywords: school of thought, theory of step-by- step formation, scientific and educational activity, the system of the university teachers continuing education, scientific and educational management.

For citation: How is the Actor Made. The Anniversary Interview with N.N. Nechaev. Part 1, Psychology and Life. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 2, pp. 145–156. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180216>

В.К. Проект называется так, не потому что он посвящен тем, кто исторически дожил до сегодняшнего дня; он посвящен тем, кто делает сегодняшнюю, живую психологию. И современную историю психологии. У нас уже было несколько выпусков, но особенность нынешнего в том, что он выходит «вживую».

Сегодняшняя история называется «Как делается деятель» — это строчка из стихотворения Вячеслава Иванова, и более широко она звучит так: «Свершается свершитель и делается деятель». Итак, сегодняшняя история посвящена 75-летнему юбилею академика РАО Николая Николаевича Нечаева. При этом я считаю, что сегодняшний юбилей намного больше, чем отдельно взятый юбилей.

Н.Н. Круглые даты настигают нас, когда мы совсем этого не хотим. Кажется, что мне лет 60–65, а

по самоощущению — не больше 35, и я еще готов вершить какие-то судьбы, а порой, на лекциях позволяю себе какие-то вещи, которые студенты от профессора не ожидают. Я же еще живой.

Я не верю в приметы, не верю в высшие силы, но за мной — определенная семейная традиция: мой прадед Григорий Михайлович Дьяченко был священнослужителем высокого ранга в Московской епархии — протоиереем и настоятелем храма св. мученика Трифона в Напрудном переулке (в наст. вр. — Трифионовская улица). В конце XIX века. это была самая большая церковь Москвы, так как вмещала более 3 000 прихожан, но, к сожалению, снесенная в 1934 году. Прадед был известным российским теологом, его труды до сих пор переиздаются РПЦ. Основной труд его научной деятельности на богословском поприще — «Полный церковно-славянский словарь», который до сих пор цитирует-

ся во многих современных работах. Его сын — мой дед — Владимир Григорьевич Дьяченко был ректором тверской семинарии и, имея государственный чин надворного советника, преподавал в ней не только богословские дисциплины, но и психологию, и логику. А совсем недавно я узнал, что эта традиция церковного служения — еще более старинная: с конца XVIII века мои предки по линии моей мамы были известными в среде российского духовенства проповедниками и преподавателями богословских дисциплин. Так, мой прапрадед протоиерей Петр Алексеевич Смирнов, дочь которого Екатерина Петровна Смирнова стала женой прадеда — Григория Михайловича Дьяченко, в период с 1886 по 1893 год был настоятелем Исаакиевского кафедрального собора, а с 1894 по 1904 год — председателем Учебного комитета Святейшего Синода РПЦ, управлявшего всей системой духовного образования России: от церковно-приходских школ до духовных академий. Он был женат на Екатерине Петровне Терновской, которая была дочерью протоиерея Петра Матвеевича Терновского, который, что для меня стало полной неожиданностью, был первым настоятелем храма св. Татианы, созданного в Московском императорском университете в 1837 году, доктором богословия и вплоть до 1856 года — заслуженным профессором в Московском университете. А когда Указом Николая I в университете было запрещено светское преподавание философии, то он стал читать не только философию, но и... опытную психологию. Краткая заметка о его деятельности в качестве психолога содержится на сайте факультета психологии МГУ в разделе «Психологи Московского университета». Так что получается, что я, скорее всего, совсем неслучайно тоже стал психологом.

Моя мама, Екатерина Владимировна Нечаева (в девичестве — Дьяченко), очень рано вышла замуж за Сергея Спиридоновича Нечаева, коммуниста с дореволюционным партийным стажем, одного из первых награжденных орденом Ленина за достижения в партийной работе, но арестованного в июне 1937 года и расстрелянного в июле того же года. Мама моя — как член семьи изменника Родины — была осуждена на 10 лет и вышла на свободу лишь в июле 1946 года по амнистии — как имеющая шестимесячного ребенка, которым был я, родившись 28 января 1946 года. Скорее всего, своим появлением я обязан не только маме и неизвестному мне отцу, но и Указу Сталина, который был опубликован в конце 1944 года и в котором санкционировалась амнистия беременных женщин, кормящих матерей и/или имеющих детей до трех лет, находящихся в местах лишения свободы. И лишь в 1956 году моя мама и ее муж — С.С. Нечаев (посмертно) — были полностью реабилитированы.

В.К. Мой первый вопрос обращен к твоему детству: оно проходило в г. Твери (тогда Калинин). Есть ли у тебя какое-то определенное яркое воспоминание, которое ты хранишь не как просто Н.Н. Нечаев, а как профессор, академик, исследователь?

Н.Н. Пожалуй, такого особенного воспоминания нет, хотя мысленно и в снах я часто возвращаюсь к детству.

Думаю, мы с мамой оказались в Калинин (Твери), потому что после смерти деда В.Г. Дьяченко, ректора тверской семинарии, скончавшегося от испанки в 1919 году, его жена — моя бабушка осталась в этом городе, и моя мама после освобождения из лагеря в июле вернулась, естественно, в этот город, где она жила до 1921 года. Кстати, именно там в 1947 году мне была оформлена метрика, согласно которой я родился в г. Калинин.

Мы жили втроем: мама, бабушка и я, в коммунальной квартире на три семьи. Часть нашей 12-метровой комнаты занимала печка, на которой, когда ее топили в холодное время года, мы даже готовили, чтобы экономить керосин. С нами всегда жили кошки, так как квартира была на первом этаже и ночью появлялись крысы, прибежавшие, очевидно, из подвалов центрального гастронома, граничившего с нашим домом. Через дорогу от дома находился городской сад, который тянулся вдоль набережной Волги.

Благодаря маме, в доме всегда были журналы: «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Техника молодежи», еженедельник «За рубежом» и т. п. Помню, что по просьбе гостей, которые приходили к нам, я без запинки называл столицы не только союзных республик, но и разных стран мира. Наверное, это связано с тем, что до своего ареста в 1937 году мама работала в Самаре учительницей географии.

Не очень хорошо помню свою начальную школу, но очень хорошо — Ольгу Львовну Жердёву, классного руководителя в средней школе. Сама школа № 6, в которой я учился, размещалась в здании, в котором до революции 1917 года было первое реальное училище г. Твери, наверное, теперь это памятник архитектуры.

В.К. Когда ты последний раз был в Твери?

Н.Н. В 1993 году я был там в качестве приглашенного члена диссертационного Совета на разовой защите. Согласился потому, что захотел вернуться «в детские годы». Удалось посмотреть и сфотографировать все знакомые с детства места — дом, школу, место своей первой работы и т. п.

В 7-м классе осенью я заболел туберкулезом и лечился почти 6 месяцев, из-за чего остался на второй год. Но выкарабкался и вернулся в 7-й класс школы, правда, уже другой: маме выделили небольшую двухкомнатную квартиру, в которую мы переехали из коммуналки. В этой школе я окончил 7-й и 8-й классы и как-то сильно повзрослел. Уже тогда у меня были мысли о философском факультете, что, наверное, странно для мальчика 16 лет. В это время произошла школьная реформа, и в дневных школах вместо прежних 10 лет была введена 11-летка — одиннадцатилетнее среднее образование. Я задумался о том, что мне придется учиться не два, а три года. Именно поэтому я решил перейти в «вечерку» и поступить на работу, чтобы заработать двухлетний

стаж, как минимально необходимый для поступления на философский факультет МГУ.

Работа была специфическая: благодаря маминому знакомству с ведущей актрисой Калининского драматического театра заслуженной артисткой РСФСР Антониной Михайловной Вольской, меня приняли учеником электрика в Театр юного зрителя. Я был ручкастый, быстро соображал и не задержался в учениках. Но через четыре месяца перешел в Калининский драматический театр уже в качестве электрика-осветителя. Была и другая причина моего перехода: мне, как самому молодому, не нравилось бегать за водкой для старших товарищей по электроцеху ТЮЗа.

В этом театре я успешно проработал электриком-осветителем еще 1,5 года — вплоть до зачисления в студенты МГУ. Работа в театре — отдельная история — с разными внутритеатральными событиями, гастрольями по стране и даже некоторыми попытками попробовать себя на актерской стезе в процессе окончательного самоопределения — в виде участия в массовых сценах некоторых спектаклей, что, правда, ничем не закончилось, но дало немало для понимания внутренней жизни театральной среды. К тому же навыки электрика очень дажегодились в жизни.

Итак, два года я совмещал работу и учебу в ШПРМ (Школе рабочей молодежи). Удачей для меня было то, что в этой вечерней школе рабочей молодежи также была двухсменка, и я учился днем, а работал вечером.

Школу я закончил с серебряной медалью и укрепился в желании поступить на философский факультет Московского университета, для чего летом 1964 года приехал в Москву. К сожалению, именно в этом году правила поступления в вузы изменились таким образом, что наличие медалей у абитуриентов не давало им никаких преимуществ. Таким образом, я поступал на общих основаниях с остальными абитуриентами — обладателями рабочего стажа или опытом службы в армии: их наличие было необходимым требованием для поступающих именно на философский факультет. Считалось, что основой теоретических штудий в области философии должно быть знание жизни и трудовая закалка. Я был принят, оказавшись, правда, самым младшим на курсе.

Однако мое первое впечатление об университете, мой пиетет перед университетскими профессорами оказались смазанными чуть ли не с 1 сентября. Актовую лекцию студентам-первокурсникам читал академик Митин, тогдашнее «светило» философской мысли образца 1964 года. О его, мягко сказать, непосредственности по отношению к коллегам в тридцатые и пятидесятые годы многие из нас узнали значительно позже. Тогда же, на лекции, перед нами был довольно пожилой человек, который в процессе лекции перепутал меловую тряпку со своим носовым платком: платком он вытирал доску, а тряпкой — запотевший лоб. Внешне это выглядело довольно странно, не говоря уже о содержании лекции, касавшейся основного вопроса философии: утверждалось что «... материя первична, а сознание вторично». Многие первокурсники ждали чего-то большего, чем это банальное у-

тверждение, и начали задаваться вопросом, куда ли они пришли.

Но в эту же первую неделю сентября нам начал читать лекции по психологии седой худощавый профессор невысокого роста, ухоженный, с негромким голосом. Это был П.Я. Гальперин, который, как мы узнали позднее, многие годы читал курс общей психологии для студентов-первокурсников философского факультета.

Слух о том, что эти лекции будут очень интересными, привел к тому, что к началу этой лекции мест в знаменитой 51-й аудитории уже не было. Вслед за П.Я. Гальпериным вошли несколько женщин со своими стульями и сели в проходе. Как я узнал потом, это были сотрудницы психологического отделения нашего факультета, которые тогда входили в группу П.Я. Гальперина: Н.Г. Салмина, В.П. Сохина, А.Н. Ждан, Х.М. Тепленькая и Л.Ф. Обухова, к сожалению, недавно ушедшая из жизни.

Из преподавателей на первом курсе мне запомнился профессор Е.К. Войшвилло, который читал годичный курс по математической логике, очень строгий, и все его боялись. Но были и такие преподаватели, как доцент А.А. Старченко, который вел семинары по обычной — формальной — логике. Он был инвалидом войны и у него вместо правой руки был протез, который он, чтобы было незаметно отсутствие руки, поддерживал другой рукой. Он был очень доброжелательным человеком, мы даже подружились в том смысле, что он выделял и отличал меня, несмотря на то, что я часто «хулиганил» на семинарах, попросту срывал их по просьбе товарищей, не готовых к семинару. Я задавал казуистические вопросы, типа: а что имел в виду К. Маркс, говоря о том-то? Преподаватель, заботясь о реноме классика, вынужден был разъяснять, завязывалась незапланированная дискуссия, а семинар благополучно катился «под гору».

Я-то всегда был готов, хотя не писал конспектов. Мне их для подготовки предлагали неравнодушные ко мне девушки — студентки нашего курса. А на выходные я ездил домой в Калинин и по дороге просматривал эти конспекты. Благодаря хорошей памяти этого было достаточно, а дома мама переписывала их своим почерком. Это было необходимо, потому что, например, преподаватель политэкономии всегда проверяла наличие конспектов, свидетельствующих о самостоятельной работе студентов с первоисточниками.

Однако на первом курсе именно Петр Яковлевич с первых лекций произвел на меня самое сильное впечатление не только своими идеями о важности методологических основ определения предмета психологии, ведущей роли обучения в психологическом развитии человека. Хорошо помню, как он принял экзамен по своему курсу. С самого начала он предложил поднять руки тем, кто уверен, что он знает курс на «5». Несколько человек, в том числе и я, подняли руки, и он поставил в зачетки оценку «отлично». Остальным Петр Яковлевич предложил поставить «хорошо» и попросил вышеупомянутых сотрудниц

психологического отделения, входивших в его группу, помочь с зачетками. Вот так получилось: я серьезно готовился к экзамену по этому курсу, но сдавать его не пришлось.

Мы все обожали Петра Яковлевича и вовсе не за его мягкость на экзаменах. Скажу, забегая вперед, что его курс общей психологии для философского факультета я в общей сложности прослушал 7 или 8 раз, будучи уже его студентом, а затем аспирантом психологического факультета — тогда я и стал активным помощником Петра Яковлевича.

Однако в то время на философском факультете после успешной сдачи весенней сессии каких-то особых интересов к психологии, связанных с идеями Гальперина, у меня не появилось. В целом, моя позиция в качестве студента состояла в том, что толстые книги, которые нам советовали читать, уже прочитаны другими людьми, которые, пройдясь по материалу, написали краткие пособия. И я готовился к экзаменам и зачетам, читая такие пособия, — это позволяло легко сдавать экзамены.

Уже с первой сессии я стал отличником, но тогда начались размышления иного толка. Они имели отношение к содержанию, которое я осваивал, учась на отделении научного коммунизма философского факультета. Постепенно складывалось ощущение, что я попал «во мрак».

И вдруг я узнал, что некоторые наши студенты думают переходить на психологическое отделение философского факультета. Идея показалась мне замечательной, и после успешной сдачи 3-й сессии на своем отделении я принял такое же решение.

Нас, решившихся на такой переход, было трое: помимо меня — Саша Никишенков, к сожалению, умерший еще в те университетские годы, и Андрей Вербицкий, всем нам хорошо известный педагог и психолог, академик РАО Андрей Александрович Вербицкий, которого мы, к величайшему сожалению, тоже недавно потеряли. Он скончался от ковида в декабре 2020 г., не дожив двух месяцев до своего 80-летия.

Алексей Николаевич Леонтьев, декан психологического отделения, посмотрев наши зачетки, согласился на наш переход на 2-й семестр II курса с условием сдачи всех экзаменов и зачетов всех трех прошедших сессий психологического отделения — а их было не меньше шестнадцати. Для ликвидации этой задолженности нам был дан срок три месяца.

Вначале задача казалась почти неподъемной, но, слушая лекции по общей психологии, которые на моем 2-м курсе читал А.Р. Лурия, и одновременно читая учебную литературу для сдачи экзаменов по другим курсам, я осознал, что содержание ряда дисциплин частично пересекается: по большому счету речь идет об одном и то же. Исходной точкой послужил курс «Введение в психологию»: я вдруг увидел параллели и с курсами «Основы биологии», «Анатомия ЦНС», «Физиология человека», «Антропология» и с некоторыми другими.

Помню, что замечательный ученый-антрополог проф. М.Ф. Нестурх, который вел у психологов со-

ответствующий курс, прямо-таки удивился «обширности» моих знаний: я отвечал, используя то, что освоил, конечно, «по верхам», в рамках подготовки к экзаменам по другим дисциплинам биологического и психологического цикла. У меня до сих пор хранится его книга с надписью, начинающейся словами: «С удовольствием даю свой автограф энергичному молодому человеку, интересующемуся биологией...». Естественно, моя оценка была «отлично», в то время как у этого добрейшего профессора, который, согласно факультетской легенде, всем девушкам-студенткам ставил «отлично», да еще при этом целовал руки, мой товарищ Андрей Вербицкий получил тройку и очень из-за этого переживал.

А дело было так: Андрей, отвечая на вопрос почему доисторические приматы перешли к прямохождению, сказал что-то вроде: «обезьяне надоело скакать по деревьям». Это вызвало у Нестурха глубочайшее возмущение. «Она страдала!», — воскликнул он и вlepил Андрею тройку.

В целом, эта история со сдачей образовавшейся академической задолженности из-за расхождения учебных планов оказалась очень поучительной для становления меня как психолога: я узнал и почувствовал, что значит системность знаний. К сожалению, в высшей школе мы до сих пор изучаем учебные курсы как бы линейно, друг за другом, не сопоставляя содержание одних дисциплин с другими. Нужен иной ход, направленный на комплексное освещение проблем. В этой связи можно вспомнить идеи Г.П. Щедровицкого о различии между предметно ориентированным и проблемно ориентированным знанием. В вузе, на мой взгляд, акцент должен быть сделан на проблемно ориентированное знание — так, по крайней мере, кажется мне как человеку, который в свое время серьезно занимался психологической проблематикой целей и содержания высшего образования.

Кстати, позднее я использовал этот стихийно сложившийся подход к системной организации учебного материала в своей кандидатской диссертации, показав, что освоение того или иного понятия всегда должно строиться как освоение системы понятий, в которой это понятие выступает элементом.

Мне относительно недавно даже удалось продемонстрировать эту идею руководству Московского университета — моей альма матер, откуда я по разным причинам несколько раз уходил и куда несколько раз возвращался. Последний раз это случилось в 2016 году: деканом психологического факультета Ю.П. Зинченко я был приглашен на должность его заместителя и заведующего кафедрой психологии языка и методики его преподавания и уже в этом качестве участвовал в совещании, проводимом ректором университета В.А. Садовничим. Выступая на этом совещании, я для иллюстрации тезиса о негативном влиянии сложившихся стереотипов мышления на творческое решение задач попросил присутствующих нарисовать параллелограмм. Как я и ожидал, почти все присутствующие нарисовали ко-соугольный параллелограмм, который в порядке ди-

дактического материала используют для объяснения его свойств. А ведь параллелограммом может быть и ромб, и прямоугольник и квадрат. Надо отметить, что В.А. Садовничий, который вел это совещание, нарисовал квадрат, о чем он радостно сообщил участникам, и это, конечно, неудивительно, ведь он, как известно, является академиком в области математики. Однако всем остальным привычнее показался «классический» косоугольный параллелограмм — какой им в школе рисовала «Марьиванна», потому что это было удобно для объяснения способа определения его площади. К сожалению, со школьных времен мы все приучены к частным представлениям, отсутствию системности осваиваемых в школе понятий.

В связи с этим, возможно, представляет интерес мой опыт подготовки к сдаче экзаменов в студенческие годы, где я использовал материал программ учебных дисциплин. Я выстроил свою систему работы с программами как со своего рода обобщающим материалом, который дополнял теми подробностями, которые мне казались важными. Не знаю, можно ли считать это подготовкой шпаргалок. Я не брал дополненные мною таким образом программы на экзамен. Но если какой-то вопрос билета был для меня не совсем ясен, я просил у экзаменатора программу, которая, как известно, должна предоставляться студенту по его просьбе. Мне было достаточно просмотреть программу — и те важные дополнения, которые я делал заранее, всплывали в памяти. По сути, эти мои «шпаргалки» — это был способ углубления и расширения материала. При этом я, как правило, шел отвечать первым. А так как в моей зачетке были сплошь отличные оценки, то экзаменатор понимал, что перед ним «явление природы» — это было нужным фоном для того, чтобы вновь получить «отлично».

Итак, весной 1966 года я стал полноправным студентом психологического отделения философского факультета, а осенью 1966 года отделение уже стало самостоятельным факультетом Московского университета, который окончили многие достойные и известные люди.

В.К. Помимо людей, разговоров и встреч в этом времени жизни каждого, наверное, есть какая-то важная книга, которая определяет многое в дальнейшем. Была ли в твоей жизни такая книга: психологическая, философская, гуманитарная?

Н.Н. Отвечу на это очень хитро. Я жил в общежитии на Ломоносовском проспекте, и в мою бытность на философском факультете книги мы читали только в библиотеке факультета и по необходимости, для подготовки к семинарским занятиям и сдаче сессий. Самое сильное впечатление на 1-м курсе на меня произвел конспект лекций П.Я. Гальперина, сделанный одним моим товарищем, который я прочел, готовясь к экзамену по психологии на философском факультете. Многие не всё понимали, а я всегда был готов разьяснять то, что понял сам.

Библиофилом я стал уже на 3-м курсе психологического факультета. Это относится к книгам по

психологии и философии, в том числе редчайшим дореволюционным изданиям, которые я собирал, систематически обходя известные букинистические магазины в центре Москвы. Многие из этих книг со мной до сих пор.

В.К. Известно, что ты был организатором легендарной летней психологической школы — замечательной практики, которую затем позаимствовали другие вузы. Но эта была первой и, очевидно, самой замечательной. Расскажи, как это все было организовано?

Н.Н. Начну с того, что я быстро прижился на факультете, позади остались многочисленные экзамены, я был отличником и очень активным студентом. Меня «заметил» декан факультета А.Н. Леонтьев. В октябре 1966 года, будучи студентом третьего курса, я был избран секретарем комитета комсомола факультета. Со мною в комитете работал Андрей Подольский, мой товарищ с тех времен, учившийся на курс младше меня, тоже ставший учеником П.Я. Гальперина. Сейчас это профессор Андрей Ильич Подольский. Одновременно я активно участвовал в работе Научного студенческого общества (НСО). Интересно, что во многих вузах эта общественная организация студентов называется СНО — Студенческое научное общество. У нас же, кажется, с подачи А.Н. Леонтьева это было НСО — Научное студенческое общество: название с акцентом на слове «научное». Его куратором в годы моего студенчества была Любовь Семеновна Цветкова, тогда доцент, а потом профессор, известный специалист по нейропсихологии речи и восстановительному обучению.

На одном из заседаний она рассказала о предложении декана собрать летнюю психологическую школу. Идея была отличная, и мы организовали отбор среди студентов 1—4-х курсов, желающих принять участие: ребята должны были получить рекомендации от преподавателей, а также написать небольшие сочинения на интересующую их научную тему. Таким образом, была отобрана группа в 15 человек, и вместе с двумя преподавателями и куратором НСО мы в конце августа отправились в поселок Джемете, недалеко от Анапы, где была расположена одна из летних баз университета. Причем по нашей задумке мы сами пригласили тех преподавателей, с которыми хотели бы общаться во время этой необычной научной практики. Одним из них был Алексей Николаевич Леонтьев, скорее не как декан, а как автор идеи организации такой школы, а вторым приглашенным профессором был Петр Яковлевич Гальперин.

Надо заметить, что он очень поздно, лишь в 1965 году получил ученую степень доктора психологии, причем он защищал не диссертацию, а обзорный реферат своих работ и докторскую степень ему присудили по совокупности работ. Но к нам в Джемете он приехал уже профессором.

Жизнь в лагере Джемете в бытовом плане была простая и неприхотливая: мы жили в палатках, загорали и купались, но не забывали и о том, зачем при-

ехали — дважды в день проходили «сессии»: встречи, беседы, обсуждение ключевых проблем психологии. Вновь услышав идеи Петра Яковлевича, я осознал, что хорошо их помню с 1-го курса философского факультета, и я с удовольствием разъяснял другим то, что было непонятно большинству участников школы. Они, студенты 2—4-го курсов, не слышали прежде Гальперина, который на психологическом отделении в то время читал лишь историю психологии на 4-м курсе. Петр Яковлевич меня в этом поддерживал. Вот тогда произошло наше личное знакомство.

Подчеркну еще раз, что до этого времени я не собирался связывать свои научные интересы с подходом Гальперина. Курсовую третьего курса я писал у А.Р. Лурии, который на втором курсе читал нам курс общей психологии. Неудивительно, что тогда я решил: заниматься нужно мозгом — и в начале 3-го курса выбрал специализацию по медицинской психологии. Александр Романович курировал всех студентов этой специализации, а моим непосредственным руководителем была Н.К. Корсакова.

В.К. Интересно, как ты видишь стилистические различия между тремя профессорами: Леонтьевым, Лурия и Гальпериным?

Н.Н. Леонтьева как лектора я услышал лишь на 4-м курсе, он читал нам курс методологии психологии. Его ассистентом тогда был В.А. Иванников, который вел семинары. Большинство выпускников МГУ помнят его как многолетнего заместителя декана факультета психологии, грозу нерадивых студентов.

Специфическая манера Алексея Николаевича заключалась в том, что он говорил негромко, заставляя прислушиваться к себе. Свое общение со студентами он строил проблемно, хитро улыбался, красиво жестикулировал, я бы сказал, завораживал своими руками, которые, как я потом заметил, всегда были хорошо ухожены. Его манера снижать тон к концу фразы заставляла вслушиваться и строить догадки, что же было сказано.

Петр Яковлевич был другой. Его манера предполагала спокойный доброжелательный тон, были шутки, которые он произносил, прихлебывая чай — ему всегда приносили стакан чая. Читал лекции просто и при этом очень академично. Причем его манера, запомнившаяся мне с первого курса философского факультета, осталась такой же, когда на 4-м курсе он читал нам историю психологии.

Александр Романович был совсем не похож ни на Леонтьева, ни на Гальперина: ведя лекцию, он мотался по аудитории, мог присесть на стол сзади и сбоку так, что студенты вынуждены были выворачивать шеи, чтобы видеть и слышать профессора. Еще для него было характерно закрывать аудиторию для опоздавших, очевидно, с воспитательной целью. Для этого он вставлял ножку стула в ручку двери — в то время дверные ручки имели форму прямоугольной скобы, куда удачно входила ножка стула. (Потом, начав собственную педагогическую деятельность, я по-

пытался делать так же, пока не узнал, что запирать аудиторию запрещено по требованиям пожарной безопасности.)

Представляется, что все это характеризует Александра Романовича как человека эмоционального и равнодушного. На мой взгляд, трагедией для А.Р. Лурии как лектора стало то, что он издал свои лекции, но продолжал излагать их материал студентам в неизменном виде по своим конспектам. Он делал это с выражением, с юмором, с яркими примерами, но ... все это уже можно было прочитать. И студенты стали меньше ходить на его лекции. Свою роль сыграло еще и то, что по настоянию декана базовые лекционные курсы для дневного и вечернего отделений должны были быть одними и теми же и поэтому читались вечером. А мало ли у студента дел вечером, если он знает, что курс лекций у него под рукой?

Я к таким студентам не относился, ведь Лурия был руководителем моей специализации и мне было важно слышать его вживую.

В целом, я считаю, что мне очень повезло: я учился у многих корифеев отечественной психологии в ее лучший период. Так, детскую психологию нам читали по очереди А.В. Запорожец и Д.Б. Эльконин, каждый — свой раздел курса. Александр Владимирович на своих лекциях всегда обращался будто бы к какому-то незнакомому человеку. Он ходил по диагонали и неторопливо рассказывал то, что считал важным. Даниил Борисович же был огонь! Своим сорванным голосом — во время войны он командовал артиллерийской батареей — он всегда очень эмоционально доносил до нас то, что важно знать о психологии ребенка. Он кричал, жестикулировал, показывал — каждая лекция была событием.

В отличие от Запорожца, который, конечно, знал меня, всегда тепло здоровался, но не более, с Даниилом Борисовичем у меня сложились почти дружеские отношения. Однажды он даже попросил меня оказать воспитательное воздействие на его сына Бориса, который тогда был первокурсником и для которого я, соответственно, был старшим товарищем. Я сделал это так, как считал нужным, и проблема была снята.

В.К. Если вести разговор по гамбургскому счету, то какой главный урок ты извлек из школы Гальперина?

Н.Н. Очень трудный вопрос. Хочется надеть котурны и подняться повыше.

Наверное, главный урок — понимание того, что до настоящего времени не решены самые главные вопросы психологии: ее предмет, методы и задачи. Стремление обострить нерешенные проблемы по многим аспектам психологии. И одновременно — научиться простоте сообщения другим того, что тебя волнует, т. е. рассматривать это сообщение как сообщение, адресованное другим, но позволяющее тебе самому понять, что тебя мучает.

Я для себя понял, что надо максимально просто рассказывать сложные вещи: добиваться такой про-

стоты и ясности, которые делают это сообщение очевидным для других — значит, это станет очевидным и тебе.

В инженерной практике есть такой прием, который называется «беседа с дураком». Если у специалиста возникает трудная проблема, он должен найти себе подобного собеседника и попытаться как можно более просто и ясно изложить эту проблему. И если собеседник поймет — то поймет и сам специалист (но, с этой точки зрения, собеседник не должен быть умнее, ведь тогда он поймет раньше).

По большому счету — это метод Гальперина. Ведь для участия в экспериментальном формировании отбирались не отличники, а совсем наоборот, плохо успевающие дети. И если у них получалось, это означало, что была выявлена полнота условий, позволявшая добиться появления заранее планируемых и необходимых психологических новообразований, обеспечивающих успешность деятельности. Это главный тезис метода П.Я. Гальперина, который я готов и дальше защищать.

В.К. В те ранние годы ты «открыл» для себя подход Гальперина, а потом на старших курсах, в аспирантуре и в дальнейшей самостоятельной работе практически применял и теоретически расширял его. К нынешнему времени, с твоей точки зрения, появились ли некоторые спорные моменты? В чем они заключаются?

Н.Н. В работах последних лет я пришел к необходимости «взорвать» аксиоматику поэтапного формирования, которая, на мой взгляд, стала застывшим скелетом, мешающим дальнейшему развитию нашего понимания ключевых проблем психологии. Если посмотреть, как в Сети представляется поэтапное формирование, то становится очень грустно: это какие-то мертвые останки от когда-то живой теории. Перечисляются шесть этапов: мотивация, ориентировка, материальное и материализованное действие, громкая социализованная речь, внешняя речь про себя, внутренняя речь. Что вам еще нужно?

Это убогая точка зрения, ложная по сути. Сам Петр Яковлевич ставил задачу по-иному. Чтобы картина закономерностей возникновения исследуемых психологических новообразований возникла, надо понять, что необходимо учесть для того, чтобы человек справился с заданием.

Помню, как однажды он меня расцеловал. Это было во время подготовки им рукописи своей основной книги «Введение в психологию», которую он писал очень долго. И это при том, что мы, активные помощники Гальперина, организовали запись его лекций на магнитофон (в то время!) и нашли машинистку, которая печатала стенограммы. Однако Петр Яковлевич все время вносил правки в текст. Однажды мы обсуждали с ним его точку зрения о том, что отдельные науки исследуют не отдельные объекты, а те его стороны, которые и составляют собственно предмет этой науки — здесь он шел вслед за Лениным и его известным примером со

стаканом, который — как объект — может исследоваться разными науками, каждая из которых может найти в нем свой предмет. А я нашел, что Ленин эту точку зрения воспринял конспектируя «Метафизику» Аристотеля. И П.Я. Гальперин был очень рад этой моей находке, так как сам В.И. Ленин излагал эту точку зрения Аристотеля в виде иллюстрации в своем выступлении в «Дискуссии о профсоюзах...», что, конечно, снижало методологическую значимость этих аргументов. И со словами «Какой же ты умница!» — он расцеловал меня.

Теперь, конечно, мне очевидно, что этот аргумент для методологического основания определения предмета науки является ошибочным: у стакана — как инструмента для питья — нет «сторон», «сторон» как интересующие человека свойства принадлежат объекту как фрагменту объективного мира, который — в зависимости от нашего способа деятельности — может выступить для нас разными предметами, и лишь в том числе и ...«стаканом».

Моим научным руководителем Петр Яковлевич стал после 4-го курса, отчасти благодаря Блюме Вульфовне Зейгарник.

Как я уже упоминал, курсовую 3-го курса я писал у Лурии, она была посвящена проблеме выявления особенностей запоминания у больных с затылочными и височными поражениями мозга. Исследование проводилось в Институте нейрохирургии имени Н.Н. Бурденко и полученные данные были даже использованы в докторской диссертации Н.К. Корсаковой, работавшей с курсовиками по поручению А.Р. Лурии. Однако уже в процессе проведения я понял, вернее, скорее почувствовал, что для меня важно не рассматривать больных как объекты исследования — в клинике надо помогать людям. Это должны быть диагностика и восстановительное обучение.

Думаю, что и здесь определенную роль сыграла научная и нравственная позиция Петра Яковлевича Гальперина, которую я усвоил из его лекций на своем первом курсе. По образованию он был врачом-психоневрологом и иногда вспоминал, как он, владея методикой гипноза, помогал больным, давая им возможность просто отдохнуть от своих проблем, погружая их в гипнотический сон. И сам при этом немного отдыхал на соседней кушетке. Живой человек.

Итак, после летней школы в Джемете, уже на 4-м курсе в качестве своего научного руководителя я выбрал Б.Ф. Зейгарник и делал курсовую работу по Курту Левину, используя материалы, которые дала мне Блюма Вульфовна. Тогда еще работы Левина у нас не были изданы, а она, как известно, была его непосредственной ученицей. Это была теоретическая работа, связанная с анализом взглядов Левина и их сопоставлением со взглядами А.Н. Леонтьева. Наверное, я как-то переусердствовал, потому что однажды она сказала: «Коля, вы слишком умны для меня. Вам надо к Петру Яковлевичу». Может, это звучит нескромно, но это были ее точные слова. Надо сказать, что она, прожившая непростую жизнь, в личном плане была одним из самых светлых людей на факультете.

На 4-м курсе под новый 1968 год Алексей Николаевич Леонтьев собрал у себя дома всех «джеметевцев» — участников летней психологической школы. Было белое сухое вино и закуски, но вина была больше, и я, что называется, немного перебрал. Там был и Петр Яковлевич, который тоже был «джеметевцем». И вот в таком несколько расслабленном состоянии я подошел к нему и поставил вопрос ребром: либо он берет меня под свое руководство, либо я ухожу с факультета. Петр Яковлевич, видя мое состояние, перенес разговор на следующий день, назначив встречу у себя дома. Когда на следующий день я пришел, он обратился ко мне с неожиданной просьбой — заменить ушедшую в творческий отпуск А.Н. Ждан в качестве преподавателя, ведущего семинары по его знаменитому курсу общей психологии для студентов философского факультета.

Я действительно был хорошо знаком с этим курсом еще на философском факультете, потом вновь актуализировал его содержание в Джемете, помогая другим участникам школы «войти» в проблематику идей Гальперина. Конечно, я был поражен, ведь я был еще студентом, но выходило, что Петр Яковлевич считал, что мне можно доверить эту «взрослую» и профессиональную задачу. И я согласился.

Так началась моя первая педагогическая работа, впрочем, не оформленная документально. Основная сложность в подготовке к ведению таких семинаров, однако, возникла не по моей вине. Из-за особенностей расписания получалось, что мои семинары шли раньше соответствующих лекций Петра Яковлевича, которые я должен был разъяснять, если у моих студентов-первокурсников возникало непонимание, и мне порой приходилось импровизировать. При этом каждый раз после семинара я приходил к Петру Яковлевичу, чтобы рассказать ему, что и как обсуждалось, получить оценку моих «теоретических» новаций с его стороны. Порой, он хвалил, а порой говорил: «Ну, ты, Коля, загнул!». Наверное, к этой ситуации подходит поговорка о том, что крылья распускают для полета тела, а хвост — для полета души. Очевидно, что мне временами очень хотелось распустить хвост перед первокурсниками философского факультета.

Но наука в контексте теперь частого еженедельного общения с Петром Яковлевичем интересовала меня все больше.

В.К. С чем тогда был связан твой уход с факультета?

Н.Н. Это сложный сюжет, и, наверное, он тоже обусловлен как моими особенностями, так и обстоятельствами следующих нескольких лет: выпускной курс, аспирантура, защита кандидатской диссертации.

Начну с того, что я — не москвич, и, практически не имея материальной поддержки, каждое лето, начиная со 2-го курса, ездил работать со стройотрядом и к осени зарабатывал существенную по тем временам сумму. Так было и по окончании 4-го курса, когда мы уехали в Подмоскowie. И вдруг мне

во время этого «летнего трудового семестра» пришло письмо от Петра Яковлевича: он написал мне о просьбе одного своего бывшего студента, который работал в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, найти психолога в отдел, в котором тот работал. Петр Яковлевич очень хотел, чтобы после выпуска я остался на факультете, он хотел продолжать работу со мной. Но камнем преткновения было отсутствие у меня постоянной московской прописки. Поэтому он постарался не только передать информацию, но и связать меня с человеком, предлагавшим работу.

Я вернулся в Москву. Наверное, кто-то может считать, что я «продал душу», чтобы окончательно стать москвичом: ради московской прописки я решил обменять свою небольшую квартиру, оставшуюся в Калининe, на комнату в коммуналке в Москве. Причем надо было иметь право на такой обмен: по законам того времени подходящим для меня основанием обмена мог быть только «перевод по работе» — и для этого вариант стать сотрудником союзного министерства был удачным. Был, конечно, еще один верный путь, которым пользовались молодые люди, приехавшие из провинции, — жениться на москвичке. Но это был не мой путь. Я выбрал работу и сумел получить нужную бумагу для обмена. Дело было хлопотным, потребовалась сложная схема «тройного обмена», но в конечном итоге все получилось.

Мое новое московское жилье представляло собой большую комнату в коммунальной квартире в одном из Кадашевских переулков, на втором этаже старинного купеческого дома с толстыми стенами и проваливающимся полом. Зато там уместились все мои книги, которых к 5-му курсу было уже немало.

Итак, я был принят на работу в одно из подразделений Министерства высшего образования СССР на должность старшего инженера-методиста. В целом — ситуация нетипичная для того времени, студенты дневного отделения в основном учились, а не работали.

Наше подразделение называлось «Научно-методический кабинет по высшему образованию и повышению квалификации», оно было создано для изучения возможностей совершенствования высшего образования и образования взрослых в рамках последилового обучения. Его руководитель слыл человеком прогрессивным, он набрал специалистов, в основном молодежь, которые занимались передовыми по тем временам направлениями, вроде ТСО (технических средств обучения), учебного кино и учебного телевидения, программированного обучения, а также изучением зарубежного опыта по данным направлениям.

Итак, имея репутацию студента-отличника, на 5-м курсе я учился уже штрих-пунктирно, потому что работал в союзном министерстве. Оказалось, что новая работа даже придавала мне вес в глазах руководства факультета. Помню такой эпизод. Я сидел на кафедре общей психологии, где шло обсуждение хода выполнения дипломных работ. И вдруг Алексей Николаевич Леонтьев через головы всех сидящих

там преподавателей и студентов обратился ко мне за советом: «Коля, — сказал он, — как следует ответить на письмо, пришедшее из Министерства»? Все были поражены, и я не менее других, но быстро собрался и даже дал какой-то совет декану, за что получил благодарности.

В это время Алексей Николаевич очень хорошо ко мне относился. С середины 4-го курса я был его помощником, работая (вместе с Андреем Вербицким) в качестве технического секретаря Общества психологов СССР, председателем которого был он. Мы занимались расшифровкой стенограмм выступлений на Президиуме общества, подготовкой документов и т. п. Приходилось часто бывать у него дома.

После окончания факультета в сентябре 1969 года, когда я собирался поступать в аспирантуру, чтобы продолжить в научном плане сотрудничество с Петром Яковлевичем, Леонтьев неожиданно вызвал меня к себе в кабинет и спросил: «Коля, зачем вам эта аспирантура? Вы сможете быстро защитить диссертацию и без нее». И предложил работу младшего научного сотрудника у него в лаборатории. С учетом реалий того времени место младшего научного сотрудника на факультете МГУ предполагало ровную дорогу к защите кандидатской, а затем и докторской диссертации, одним словом, твердую основу для научной карьеры. В МГУ того времени этот путь всегда был длинным, частыми были ситуации, когда даже кандидаты наук подолгу работали лаборантами, методистами и т. п.

Поскольку мне уже было очевидно, что и моя аспирантура, и мой дальнейший путь в психологии могут быть связаны только с Гальпериным, я очень испугался этого предложения и сказал Леонтьеву, что я подумаю. И тотчас же отправился к Петру Яковлевичу домой, чтобы рассказать ему о предложении декана. Петр Яковлевич, наивная душа, при мне позвонил Леонтьеву и сказал: «Леша, у меня впервые за долгие годы появился стоящий парень, а ты его у меня сманиваешь». Я не знаю, что ответил А.Н. Леонтьев, но Петр Яковлевич меня успокоил: «Все в порядке. Можешь поступать в аспирантуру». Я обрадовался, решив, что коллизия разрешилась, столкновения интересов уважаемых мной ученых не будет. Однако буквально на следующий день, встретив Леонтьева на факультете, я как всегда с ним поздоровался, но в ответ было ледяное молчание. Он просто прошел мимо так, как будто меня не было.

И когда я закончил аспирантуру и защитился, причем раньше срока, оказалось, что для меня на факультете работы нет, хотя «место» формально должно было быть зарезервировано — ведь это была так называемая целевая аспирантура. Алексей Николаевич закрыл мне все возможности остаться на факультете. Он не простил мне мой выбор Гальперина вместо него.

Возможно, дело было еще и в неоднозначном отношении Леонтьева к самой теории Гальперина, хотя с начала 30-х годов они вместе работали в Харькове (так называемая харьковская группа учеников Выготского, куда входили также Д.Б. Эльконин, А.В. Запо-

рожец, П.И. Зинченко и другие); там П.Я. Гальперин под его руководством выполнил свою кандидатскую диссертацию. Потом их совместная работа продолжилась в Московском университете. Но в 90-е годы Алексей Алексеевич Леонтьев вспоминал, как его отец довольно резко критиковал первоначальный вариант рукописи П.Я. Гальперина «Введение в психологию», представленный А.Н. Леонтьеву в 1972 году и принял решение ее не печатать.

Как я понял позднее, были и другие осложнения, сыгравшие свою негативную роль в истории моего ухода. В первый год моей аспирантуры ситуация на факультете сложилась таким образом, что А.Н. Леонтьеву нужно было срочно найти замену профессору О.К. Тихомирову, читавшему курс общей психологии студентам 2-го курса, но уехавшему на стажировку в США. В результате читать лекции по этому курсу было поручено Гальперину, который начал в рамках этого курса излагать свои идеи, сложившиеся у него в процессе чтения курса «Общей психологии» на философском факультете. При этом Петр Яковлевич сделал сильный, но неосторожный ход — для ведения семинаров он отказался от услуг известных преподавателей факультета, которые должны были ассистировать ему для проведения семинаров, и пригласил меня, как знающего его курс, вести эти семинары.

Результатом такого нашего содружества стало «новообращение» студентов: значительная часть пришла писать курсовые, а затем дипломные работы на кафедру детской (возрастной) психологии, которую возглавлял Гальперин, кафедру педагогической психологии, в НИИ ОПП. Фактически в это время под общим руководством Гальперина я вел более десятка дипломных работ, несколько диссертационных исследований, о чем свидетельствуют мои совместные публикации с А.И. Подольским, Г.И. Лернер, И.М. Ариевичем, О.А. Карабановой, С.Л. Маловым и другими. Появлялись и «интересующиеся» со стороны: используя практический потенциал теории поэтапного формирования, я давал консультации о возможностях совершенствования деятельности в юридической сфере, в спорте, при подготовке по ряду военных специальностей.

Конечно, все это делалось на безвозмездной основе — мне нравилось «расширять границы» своих возможностей. Так, на факультете, используя соответствующее оборудование, я на основе принципов поэтапного формирования умственных действий и понятий провел экспериментальное исследование по формированию звуковысотного слуха, оказавшееся более успешным, чем известное исследование на данную тему самого А.Н. Леонтьева.

Наверное, моя активность кому-то показалась избыточной, во всяком случае она явно не осталась незамеченной и, похоже, устраивала не всех. В конечном итоге после защиты кандидатской диссертации в 1972 году я вопреки своему желанию должен был уйти с факультета, хотя был в «целевой» аспирантуре.

Так я получил удар, пережить который было не просто. Петр Яковлевич в знак несогласия с реше-

нием Леонтьева хотел написать заявление об уходе, но я отговорил его от этого, ведь наша научная, а тем более духовная связь на этом не обрывалась.

В.К. Какие значимые моменты своей дальнейшей научной, профессиональной жизни ты бы выделил? Что из того, что было потом, ты считаешь важным?

Н.Н. Так сложилась жизнь, что после этого с 1973 по 1987 год я работал в системе повышения квалификации преподавателей высшей школы: работал уже не со студентами, а со взрослыми опытными людьми, и это была другая жизнь, предполагавшая обретение опыта, недоступного в лабораториях факультета. В 1973—1974 годы я был доцентом на Межвузовской кафедре, созданной в МАДИ решением Минвуза СССР для организации повышения квалификации преподавателей периферийных технических вузов, приезжавших в ведущие московские вузы, такие как МЭИ, МАИ, МХТИ, МВТУ и, конечно, МАДИ, которым я читал разработанный мной курс «Основы психологии и педагогики высшей школы», стержнем которого стала моя попытка приложения основных идей теории поэтапного формирования умственных действий и понятий в проблематике обучения в высшей школе. Особенно важным для этой линии моего развития было общение с преподавателями — представителями самых разных специальностей: от физиков и математиков до филологов и историков. Благодаря моим попыткам связать идеи П.Я. Гальперина с их профессиональными интересами в целях совершенствования методик преподавания я от них узнавал много нового, пробовал иные подходы к внедрению идей П.Я. Гальперина в практику высшего образования.

Я никогда по-настоящему не учился лекторскому мастерству, подготовка подробных конспектов своих лекций для меня — специальная задача, мне легче импровизировать по ходу дела, опираясь на общую схему по теме лекции. Но учебный план есть учебный план, и я научился работать в соответствии с заранее разработанной программой. (Особенно интересно стало позднее, когда появились технические возможности использования презентаций: так много интересного материала можно найти на просторах Интернета.)

Важная часть этого периода — работа в течение восьми лет (с 1974 по 1982 год) в Московском Архитектурном институте — уникальном вузе, где сочетается инженерная и художественная подготовка, сильны традиции наставничества, уважения к мастерству. Там у меня тоже появились ученики — молодые преподаватели архитектурных специальностей, часто сочетавшие преподавание с архитектурной практикой. Я читал им психологические курсы в рамках факультета повышения квалификации МАрХИ, руководил их выпускными работами и диссертационными исследованиями и сам многому у них учился. Я увидел новые возможности применения принципов теории поэтапного формирования в проектно-творчестве — через моделирование и творческое преобразование

модели в условиях учебного проектирования. Именно это стало основой для моей докторской диссертации «Проектное моделирование как творческая деятельность».

Завершающим этапом моей работы в последипломном образовании стал шестилетний период (1982—1988 годы), когда я вновь оказался в МГУ, но не на родном факультете психологии, а на факультете повышения квалификации преподавателей, на кафедре, возглавляемой А.В. Петровским. Здесь в большой аудитории я почувствовал себя настоящим лектором — на мои лекции приходили даже люди со стороны, прослышавшие о необычном лекторе, взрывавшем традиционные каноны вузовского преподавания.

Между тем шла уже вторая половина «эпохи перестройки», были надежды на изменения к лучшему в разных сферах жизни и в том числе в образовании. Тема образования тогда вдруг стала очень актуальной. Тысячи людей собирались в Концертной студии Останкино, чтобы послушать учителей-новаторов: Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталова и других; предлагались разные проекты преобразований в средней и высшей школе. И мне хотелось как-то поучаствовать в назревающих изменениях.

Поэтому закономерно, что после защиты докторской диссертации, состоявшейся по случайному стечению обстоятельств 2 октября 1987 года — в день 85-летия Петра Яковлевича — я согласился на предложение стать заместителем директора НИИ проблем высшей школы. Работал я в нем недолго. Думаю, я немного расшевелил эту типично советскую тихую заводь, где основным делом было написание отчетов для разных управлений Министерства. После успешной подготовки выставки, приуроченной к февральскому Пленуму ЦК КПСС (1988), посвященному анализу состояния системы образования, я был приглашен Геннадием Алексеевичем Ягодиным, председателем Госкомитета СССР по народному образованию, на пост начальника Главного управления общего среднего образования в Госкомитете, члена Коллегии этого Госкомитета.

В это время действительно многое менялось, хотя какие-то базовые идеи, к сожалению, оставались не ассимилированными. Одна из них — идея непрерывного образования, о необходимости которого вновь заговорили лишь сейчас. В 1988 году я организовал группу сотрудников НИИВШ для разработки Концепции непрерывного образования, которая была утверждена Всесоюзным съездом работников народного образования, состоявшемся в декабре 1988 года. Краеугольным камнем этой концепции является идея образования через всю жизнь, а значит, постоянного развития, что требует изменения подхода ко всем ступеням образования, включая высшее.

По объективным причинам эта работа, по своему важной и интересная, продолжалась недолго. В 1991 году, после краха СССР, все союзные структуры прекратили работу. Это был еще один удар, который в той или иной форме вместе со мной ощутили многие граждане Советского Союза.

Моя профессиональная карьера предполагала новый поворот: А.В. Петровский, опытный и уважаемый человек, помнивший нашу совместную работу на кафедре ФПК МГУ, позвал меня налаживать работу Академии педагогических наук СССР, которая стала Российской Академией образования; я был избран Главным ученым секретарем Академии. Мне кажется, я сделал много полезного для содержательной работы академии в новых условиях, достаточно сказать, что за время моей организационной работы число институтов Академии возросло в два раза, и это в условиях постоянно урезаемого бюджетного финансирования.

Одновременно я продолжил педагогическую работу — теперь со студентами, причем и на этот раз — в уникальном вузе со своими традициями — Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), преобразовавшемся из Института иностранных языков имени М. Тореза, создав единственную тогда в России кафедру педагогики и андрагогики, нацеленной на разработку психолого-педагогической проблематики обучения взрослых.

После завершения своей работы в РАО в 1997 году я перешел в МГЛУ на постоянную работу.

За годы работы в Лингвистическом университете в течение почти 25 лет я — при поддержке ректора МГЛУ Ирины Ивановны Халеевой — организовал в университете психологическое отделение; эта специализация психологического образования пред-

полагала сочетание профессиональной психологической подготовки с основательной подготовкой по двум иностранным языкам. Я читал там несколько курсов. Отделение было небольшим, складывались доверительные отношения со студентами. Я благодарен этому вузу, многому там научился, подготовил нескольких аспирантов, с моей поддержкой был защищен ряд докторских диссертаций, в том числе и преподавателей-лингвистов, интересовавшихся психолого-педагогической проблематикой.

С 2016 года после отставки И.И. Халеевой я вновь оказался в психологической среде, вернувшись сначала на психологический факультет МГУ, о чем упоминал раньше. Однако я понял, что общей направленности моих научных устремлений в значительно большей степени отвечает МГППУ — ведущий психолого-педагогический университет России, куда я окончательно перешел в сентябре 2017 года в качестве профессора Международной кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства». Мне нравится эта работа: думаю, что накопленный профессиональный и, что немаловажно, разносторонний опыт использования психолого-педагогических идей в практике подготовки специалистов различной профессиональной ориентации позволяет мне как психологу на новом уровне подходить к решению больших теоретических вопросов развития культурно-исторической психологии и деятельностного подхода.

Нечаев Николай Николаевич, действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, профессор Международной кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnnechaev@gmail.com

Nikolay N. Nechaev, Doctor of Psychology, Full Member of the Russian Academy of Education, Professor, UNESCO International Chair of Cultural-Historical Psychology of Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnnechaev@gmail.com

Получена 12.12.2021

Принята в печать 27.04.2022

Received 12.12.2021

Accepted 27.04.2022